

На защиту Родины встали и студенты Ленинградского института народов Севера: первый корякский писатель Кецай Кеккетын сражался на Курской дуге, был ранен и скончался в госпитале;

Николай Павлович Юшин в июне 1941 г. сражался за Молдавию, в 1942 г. защищал Северный Кавказ, являлся участником десанта на Малую землю, освобождал Украину, Польшу, Чехословакию и закончил войну в Берлине. Награжден двумя орденами Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны, медалями «За оборону Кавказа», «За освобождение Праги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией»;

Фима Наянова защищала блокадный Ленинград, дальнейшая судьба этой девушки из Караги неизвестна;

Степан Стратилатович Федотов из Тигильского района окончил полковую школу, сражался на западном фронте, был командиром роты отдельного лыжного батальона Брянского фронта. За мужество и героизм награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени и многими медалями.

На подводной лодке сражался с врагом Василий Ананьевич Попов, выпускник института народов Севера. Он не был мобилизован в армию по инвалидности, но Василий Ананьевич добился своего и был направлен на Балтийский флот. Вот что он писал своим землякам с фронта: «...Нас много воюет: Беккеров Василий из с. Воямполка, камчадал Юшин Николай, Зина Толстихина, Шмагина, так чудесно танцевавшая, стали медсестрами. Да и что говорить, каждый из моих сокурсников – боец, каждая сокурсница – медсестра.

Есть и погибшие. Корнил Наянов – художник, поэт. Тяжело ранен, нет его среди нас.

Пусть слушают меня тигильчане, пусть слушают меня народы Севера. У стен Ленинграда я, балтиец, борюсь за тебя, Камчатка...» (2).

Дарья Васильевна Упит из с. Тымлат Карагинского района рассказала нам о своем родственнике Иване Гавриловиче Баранникове, студенте Ленинградского института народов Севера: «Иван Гаврилович из села Тымлат. Здесь жил его брат Федор Тимофеевич, труженик тыла. Иван учился в Ленинграде, когда началась война, он сразу ушел на фронт и погиб там» (3).

Немало молодых парней из Корякского округа участвовали в войне с империалистической Японией, освобождали Курильские острова. Среди них – Василий Мулитка, Семен Энпин, Кирилл Нутайме, Николай Лилькив, Каватта Авинов, Коерков Михаил Абрамович, Икавав Таппи Акквич, Яганов Семен Антонович и многие другие.

Анна Николаевна Лазарева помнит о своем отце со слов мамы: «Я помню, мама рассказывала об отце, Эгинту Иване Николаевиче. У нас с села Култушино (Олиторский район) на фронт ушли три человека в 1944 году. Папа вернулся в 1948 году. Моя тетя всегда говорила: помни отца. Он воевал. В детстве помню, что у отца грудь была в орденах. У нас в школе всегда чествовали отца моего. Я не помню, где он воевал. Говорили, что на Курилах. Но Китга Иван Иванович, который воевал с отцом, всегда говорил мне про озеро Хасан» (3).

Людмила Алексеевна Лилькива из с. Хаилино Олиторского района, хотя и была совсем маленькой, но помнит, как провожали на фронт их односельчан: Георгия Георгиевича Тальпитагина, Семена Александровича Энпина и Григория Николаевича Ивандю. Они освобождали Курильские острова. Людмила Алексеевна вспоминает: «Провожали всем селом. Они пешком шли с села Хаилино до села Тилички, а оттуда на пароходе до Владивостока – это был 1944 год. Это была первая партия добровольцев – пятнадцать человек, они успели на пароход. А вторая пришла с тундры позже, они опоздали, и их отправили домой работать. Вернулись только двое с нашего села в 1949 году. Тальпитагин Г. Г., мой дядя, был ранен в бедро, когда они к берегу подплывали. Его спасла собака. Она через неделю его нашла в воронке. Он написал записку и положил ей. Потом пришли люди. Энпин С. А. был контужен, а Ивандю Г. Н. погиб в этом бою. Встречали их всем селом. В конторе встреча была» (3). Такие встречи были в каждом селе, откуда на фронт уходили наши воины.

Хочется сказать и еще об одном герое Великой Отечественной войны из Быстринского района, представлявшем Камчатку на Параде Победы в 1945 г. Это Иннокентий Иванович Солодилов. Он был призван в ряды Красной армии в 1941 г. из с. Анавгай Быстринского района. Воевал на 1-м Украинском фронте, участник Курской битвы, освобождал Чехословакию. Награжден орденами Красной Звезды, Славы III степени, Отечественной войны, медалями «За отвагу», «20 лет Победы в Великой Отечественной войне». Как наиболее отличившийся был представлен к участию в Параде Победы в Москве в составе сводного полка 1-го Украинского фронта в 1945 г. (4).

70 лет отделяют нас от Великой Победы. Великая Отечественная война навеки вошла в историю нашей страны. Она явилась для всего советского народа самым трудным и героическим временем.

Несмотря на отдаленность нашего полуострова от тех мест, где проходили трудные кровопролитные бои, Камчатка внесла огромный вклад в оборону страны и победу над фашизмом. Несмотря на то, что наши северные народы действительно малые по количеству, они плечом к плечу со всем многонациональным советским народом встали на защиту Родины. Значение этой великой битвы с фашизмом остается злободневной и сегодня. И наш долг сохранить память о той страшной войне, отдать дань уважения тем, кто приложил огромные усилия для разгрома врага, кто не щадил своих жизней во имя нашего светлого будущего.

1. Архив КГБУ «Корякский окружной краеведческий музей».
2. Архив РМУК «Тигильский районный краеведческий музей».
3. Архив КГБУ «Камчатский центр народного творчества».
4. Архив МУК «Межпоселенческая центральная библиотека им. К. С. Черканова».
5. Сайт Правительства Камчатского края [Электронный ресурс]: <http://www.kamchatinfo.com/detail/4901>
6. Сайт информационного агентства «Восток-Медиа» [Электронный ресурс]: <http://www.vostokmedia.com>
7. Сайт газеты «Тихоокеанская звезда» [Электронный ресурс]: <http://toz.khv.ru>

Богославский (отец Владимир) РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Прежде чем мы начнем рассматривать роль Русской Православной Церкви в Великой Отечественной войне, нам необходимо посмотреть на то, что представляла собой Церковь в это время. Накануне Отечественной войны Русская Православная Церковь подверглась невиданному разгрому и репрессиям. Чтобы представить масштабы этого церковного погрома, обратимся к фактам, сравним, что было и что осталось.

До революции в России было 360 000 священнослужителей (из них 100 000 приходских пастырей), 4 духовных академии, 58 семинарий, 35 000 приходских школ, 1 250 монастырей, 55 173 православных церквей и 25 000 часовен. В 67 епархиях служили около 130 архиереев.

В результате форсированного уничтожения государственной и партийной властью Православной Церкви, особенно во второй половине 30-х гг., к 1941 г. от ее былого величия остались лишь жалкие остатки.

На территории бывшей РСФСР в 25 областях не осталось ни одного действующего храма, а в 20 областях их осталось от 1 до 5. Всего на территории СССР (без присоединённых накануне войны западных областей Украины и Белоруссии) на начало 1941 г. было чуть больше 100 действующих храмов. Из почти полутора сот епископов в 1917 г. к началу 1939 г. действующих осталось лишь 4. Только в 1936 и 1937 гг. было арестовано более 70 епископов, многие из которых были или сразу расстреляны, или потом погибли в лагерях и тюрьмах, или же отправлены в ссылку. Было уничтожено более 50 000 священнослужителей. С полным правом можно сказать, что РПЦ к началу войны лежала в руинах. Партии и государству удалось террором, репрессиями и запретами разгромить Церковь, но им не удалось окончательно убить православную веру в народе. Всесоюзная перепись населения, проведённая в январе 1937 г., показала, что две трети сельского и одна треть городского населения СССР считают себя верующими.

Нет никакого сомнения в том, что выстоять в войне и победить коварного и сильного врага, кроме всех прочих условий, помогла и религиозная вера советских людей. Складывавшиеся веками национальные и патриотические традиции Русского Православия оказались сильнее обид и предвзятостей. Несмотря на совершённое над ней надругательство, погром и бесконечные унижения от власти, Православная Церковь в тяжёлую годину для страны и народа без каких-либо колебаний и сомнений встала в ряды защитников Отечества, духовно освятила будущую Победу.

Все мы знаем, что Великая Отечественная война началась 22 июня 1941 года. Но не многие знают, что это воскресенье по Церковному календарю было «Неделей всех святых в земле Российской просиявших». Этот праздник промыслительно предопределил исход войны и дальнейшее возрождение Церкви. Русские святые стали той стеной, которая остановила немецкую машину с оккультной свастикой.

Уже в первый день войны Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергей обратился с «Посланием к пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», в котором гово-

рилось: «Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину... Жалкие потомки врагов православного христианства хотят ещё раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой... Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу». Местоблюститель призывал священников не оставаться молчаливыми свидетелями и, тем более, не предаваться «лукавым соображениям» о «возможных выгодах» по другую сторону фронта, что было бы, по его словам, «прямой изменой Родине и пастырскому долгу». Это пастырское послание было разослано по всем приходам страны и вскоре читалось после богослужений.

26 июня митрополит Сергей отслужил в Богоявленском соборе молебен «о даровании победы». С этого времени во всех храмах Московской Патриархии стали совершаться подобные молебны. Началось активное участие Русской Церкви в патриотической борьбе. С патриотическими посланиями к пастве обращались и ближайшие сподвижники Местоблюстителя: митрополиты Ленинградский Алексий (Симанский) и Киевский Николай (Ярушевич). Особую известность получили слова митрополита Алексия: «Как во времена Димитрия Донского и святого Александра Невского, как в эпоху борьбы с Наполеоном, не только патриотизму русских людей обязана была победа Русского народа, но и его глубокой вере в помощь Божию правому делу... мы будем непоколебимы в нашей вере в конечную победу над ложью и злом, в окончательную победу над врагом».

Послания и проповеди православных иерархов носили не только призывный и консолидирующий характер, но имели также и разъяснительные цели. В них определялась твердая позиция Церкви по отношению к захватчикам и войне в целом независимо от положения на фронте. Митрополит Сергей разглядел сатанинскую сущность фашизма. Это он выразил в послании от 11 ноября 1941 г.: «Всеми миру ясно, что фашистские изверги являются сатанинскими врагами веры и Христианства. Фашистам, с их убеждениями и деяниями, совсем не по пути за Христом и за Христианской культурой». Особое внимание в своих посланиях митрополит Сергей уделял верующим на оккупированной территории, напоминая им, чтобы они, находясь в плену у врага, сознательно или по недомыслию не оказались предателями своей Родины. Одновременно Патриарший Местоблюститель призывал содействовать партизанскому движению. Так, в январском послании 1942 г. он подчеркивал: «Пусть ваши местные партизаны будут и для вас не только примером и одобрением, но и предметом неперестанного попечения. Помните, что всякая услуга, оказанная партизану, есть заслуга перед Родиной и лишний шаг к нашему собственному освобождению от фашистского плена».

Многое сделала Русская Православная Церковь, чтобы укрепить и ободрить движение сопротивления в Европе. В посланиях митрополита Киевского и Галицкого Николая (Ярушевича) к славянским и другим православным народам, оккупированным фашизмом, видна горячая любовь к православным и единокровным братьям. «Мы усиленно молим Господа, чтобы Он и на остающееся время поддержал ваши силы и ваше мужество. Пусть еще ярче разгорится у вас светильник Православия, еще пламеннее будет ваша любовь к родине и ее свободе, еще непримиримее ваше отвращение ко всяким попыткам смягчить, если не сломить ваше сопротивление врагу и его жалким слугам. Неужели сербы, не один раз за веру и отечество всенародно полагавшие свою жизнь, когда-нибудь успокоятся под фашистским сапогом? Неужели замолкнут когда-нибудь их орлиный клич: “Пусть Душан знает, что сербы живы, сербы свободны”. Неужели греческий народ может остаться на фашистской цепи? Братья-славяне! Приблизился час великих событий на фронтах. Предстоят решающие бои. Пусть не будет ни одного среди нас, кто бы не содействовал всеми своими силами и возможностями победному разгрому нашего общего ненавистного врага: и на полях брани, и в тылу, и мощными ударами народных мстителей-партизан».

Особое значение в деле идеологической борьбы против фашизма и его союзников имели послания митрополита Николая к румынским пастырям и пастве, а также к румынским солдатам: «Какова роль в современной войне простого румынского народа, румынских православных христиан, что их ожидает впереди? Они наверняка не приняли участия в антихристианском и разбойничьем торге, именуемом “новым порядком в Европе”, а явились жертвами политических интриг своих правителей. Что может быть общего у румынских православных христиан с гитлеровцами, возрождающими культ почитания языческого бога Вотана. <...> А мы, русские, братья с вами по вере, братья по мирному соседству. Румынский солдат не может забыть того, что кровью русских солдат в войне 1877–87 гг. была завоевана государственная независимость и свобода национального существования Румынии... Ваш христианский долг – немедленно оставить немецкие ряды и перейти на сторону русских, чтобы искупить великий грех соучастия в преступлениях немцев и содействовать делу поражения врага человечества».

Проявления патриотической деятельности Русской Церкви были очень многообразны. Сотни священнослужителей, включая тех, кому удалось вернуться к 1941 г. на свободу, отбыв срок в лагерях, тюрьмах и ссылках, были призваны в ряды действующей армии. В докладе Г. Карпова секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецову о состоянии Русской Церкви от 27 августа 1946 г. указывалось, что многие представители духовенства награждены орденами и медалями Великой Отечественной войны, и приводились конкретные примеры: священник Ранцев – орденом Красной Звезды, протоиерей Зверев и диакон Хитков – каждый четырьмя медалями.

Активно участвовали священнослужители и в партизанском движении. Священники укрывали отставших при отступлении от частей красноармейцев, сбежавших из лагерей военнопленных, вели патриотическую агитацию среди населения, сами вступали в ряды антифашистских отрядов. Особенно многочисленны были примеры участия священнослужителей в антифашистской борьбе на оккупированной территории в «партизанской республике» – Белоруссии. Так, протоиерей Александр Романушко из Полесья с 1942 по лето 1944 г. лично участвовал в боевых операциях и ходил в разведку. В 1943 г. он при отпевании полицая при большом скоплении народа и прямо на кладбище сказал: «Братья и сестры, я понимаю большое горе матери и отца убитого, но не наших молитв и “Со святыми упокой” своей жизнью заслужил во гробе предлежащий. Он – изменник Родины и убийца невинных детей и стариков. Вместо “Вечной памяти” произнесем же “Анафема”!»! Подойдя к полицаям, он просил их искупить свою вину, обратив оружие против фашистов. Эти слова произвели на людей очень сильное впечатление, и прямо с кладбища многие ушли в партизанский отряд. Из письма отца Александра, посланного осенью 1944 г. митрополиту Алексию (Симанскому), известно, что число священников в Полесской епархии уменьшилось на 55 % в связи с расстрелами их фашистами за содействие партизанам.

Медалью «Партизану Отечественной войны» была отмечена деятельность священника из села Бродовичи-Заполье на Псковщине Федора Пузанова. Георгиевский кавалер Первой мировой войны и скромный сельский плотник в 30-е гг., он, пользуясь относительной свободой передвижения, разрешенной ему оккупантами как священнику сельского прихода, вел разведывательную работу, снабжал партизан хлебом и одеждой, сообщал данные о передвижениях немцев. Кроме этого, он вел беседы с верующими и, передвигаясь от села к селу, знакомил жителей с положением в стране и на фронтах. Во время карательной операции по доносу старосты немцы сожгли сельский храм. Отца Федора спрятали местные жители и затем переправили его к партизанам. В течение 1943 г. священник собирал среди прихожан средства на строительство танковой колонны им. Димитрия Донского. В Фонд обороны были сданы деньги, драгоценности и церковная утварь на сумму 500 тыс. рублей. Во время эвакуации немцами населения Псковского района в январе 1944 г. священник Пузанов должен был сопровождать свой приход к месту погрузки в эшелон. Колонну сельчан сопровождали немцы, но, пройдя 15 км, немцы свернули в сторону, приказав священнику под страхом смерти довести колонну самому. Когда немцы скрылись, отец Федор предложил сельчанам вернуться домой, что они охотно и сделали. В 1944 г. о. Федор был вызван митрополитом Алексием, который отметил заслуги священника перед Родиной и Церковью наперсным крестом.

Гражданским подвигом стало поведение верующих и духовенства Ленинграда. Священники и их паства в блокированном городе жили одной судьбой. Вокруг храмов существовали объединения людей, которые помогали друг другу выжить, выстоять. В Ленинграде и его северных пригородах, оказавшихся в кольце блокады, находилось 10 действующих православных храмов. По предложению митрополита Алексия (Симанского) уже с 23 июня приходы Ленинграда начали сбор пожертвований на оборону. Владыка поддержал желание верующих отдать на эти цели имевшиеся в храмах запасные суммы, порой очень значительные. Храмы отказались от всех расходов, кроме самых необходимых. К концу 1941 г. свои взносы на общую сумму 2 млн 144 тыс. рублей сдали все православные приходы Ленинграда. С конца июня 1941 г. храмы города стали заметно наполняться народом: многие приходили помолиться за своих близких. Но богослужения пришлось приспособить к военным условиям: в расписание богослужений учитывались артобстрелы и бомбежки. От снарядов и бомб пострадали Никольский, Князь-Владимирский соборы, но богослужения в действовавших храмах продолжали совершаться ежедневно. Даже в самую страшную блокадную зиму 1941–1942 гг. храмы продолжали функционировать, давая горожанам духовное утешение и поддержку.

Первая военная Пасха 18 апреля 1942 г. совпала с 700-летием со дня разгрома немецких рыцарей в Ледовом побоище святым князем Александром Невским – небесным покровителем города на Неве. Пасхальное богослужение собрало много народа, однако меньше, чем год назад: сказывались последствия войны. Каждый третий житель города умер от голода, началась массовая эвакуация.

Многие верующие вместо куличей освящали кусочки блокадного хлеба. Богослужение перенесли с полуночи на 6 часов утра, что позволило избежать больших жертв. Именно к Пасхе гитлеровцы приурочили особенно яростный налет на Ленинград. Фашистские самолеты в эту пасхальную ночь не только сбрасывали на храмы бомбы, но и обстреливали их на бреющем полете из пулеметов.

Удивительно, что в блокадном городе, несмотря на нищету и голод, продолжался сбор пожертвований в Фонд обороны. Активно в этом участвовало духовенство города: к 1 июня 1944 г. сумма таких пожертвований достигла 390 тыс. рублей Митрополит Алексей внес 50 тыс., а протоиерей Л. И. Егоровский, сдавший 49 тыс. рублей, получил персональную телеграмму с благодарностью от И. Сталина. Всего же верующие ленинградцы за 1942 г. собрали 1 485 тыс., а за 1943 г. – 5051 тыс. рублей.

Торжественно и празднично отмечалось ленинградским духовенством и мирянами полное освобождение города от вражеской блокады. Во всех храмах по благословению митрополита Алексея 23 января 1944 г. были совершены благодарственные молебны. С освобождением Ленинграда от блокады патриотическое движение верующих в епархии еще более усилилось. Только за 3 первых послеблокадных месяца было собрано 1 млн 191 тыс. рублей. Ленинградцы горячо поддержали митрополита Алексея, 25 октября 1944 г. опубликовавшего послание об открытии всецерковного сбора в фонд помощи детям и семьям бойцов Красной армии. Общая сумма патриотических взносов духовенства и мирян Ленинградской епархии за июль 1941 – июнь 1945 г. составила 17 423,1 тыс. рублей, в т. ч. 16 274,5 тыс. собрали жители города на Неве.

Материальная помощь государству и Красной армии в целом стала одним из самых важных направлений патриотического служения духовенства и верующих в период войны. Несмотря на законодательный запрет заниматься благотворительностью и отсутствие собственного счета в банке Русская Православная Церковь внесла немалый материальный вклад в народную победу. Уже с лета 1941 г. практически все православные приходы страны начали сбор денежных пожертвований и ценных предметов в Фонд обороны, хотя всецерковный призыв «трусами и пожертвованиями содействовать нашим доблестным защитникам» митрополит Сергей (Страгородский) огласил 14 октября 1941 г. Особенно активно проявило себя духовенство в Горьком и Харькове. Протоиерей единственной церкви г. Горького А. А. Архангельский в апреле 1942 г. писал Патриаршему Местоблюстителю: «Любовь к Родине, защита ее целостности от врагов была заветом всех православных христиан. Поэтому верующие особенно горячо отнеслись к призыву о помощи на нужды фронта, на нужды и помощь раненым бойцам. Достаточно указать, что нами собрано пожертвований и передано в Фонд обороны свыше двух миллионов рублей. Верующие охотно несли не только деньги, облигации, но и лом серебра, меди и др. вещи, обувь и пр. Было заготовлено и сдано немало валяной и кожаной обуви, шинелей, белья. Был организован особый сбор на подарки для бойцов в день годовщины Красной Армии, давший свыше 30 000 рублей». В Саратове за 1943 г. верующие собрали 2 339 тыс. рублей, а к 15 сентября 1944 г. еще 1 350 тыс. рублей, из них 600 тыс. рублей на строительство 6 самолетов эскадрильи им. Александра Невского. В конце 1944 г. каждая епархия прислала в Синод отчеты по специальной форме о своей патриотической деятельности. Выяснилось, что к этому времени общая сумма церковных взносов на нужды войны, по предварительным данным, составила более 200 млн рублей.

Особую страницу составляет создание на церковные средства танковой колонны «Дмитрий Донской». Не существовало на свободной от фашистов земле почти ни одного, даже сельского прихода, не внесшего свой вклад в общенародное дело. 40 танков «Т-34», которые составили общецерковную танковую колонну, были построены на заводе Челябинска. Их передача частям Красной армии состоялась у д. Горелки, что в 5 км северо-западнее Тулы. 7 марта 1944 г. на торжественном митинге в день передачи колонны выступил митрополит Николай (Ярушевич). Он весь период войны был одним из основных организаторов и руководителей патриотической деятельности духовенства Московской Патриархии. Уже летом 1941 г., будучи экзархом западных областей Украины и Белоруссии, Владыка был вынужден покинуть свою резиденцию в Луцке, и, переезжая с места на место в прифронтовой полосе, своими богослужениями и проповедями поддерживал дух местного населения. Патриарший Местоблюститель одобрил его инициативу и 15 июля 1941 г. назначил митрополитом Киевским и Галицким, экзархом всея Украины. После оставления Киева советскими войсками Владыка Николай эвакуировался в Москву и в период пребывания митрополита Сергея в эвакуации в Ульяновске в октябре 1941 – августе 1943 гг. был управляющим Московской епархии. Сохранилась обширная переписка того времени между митрополитами Николаем и Сергеем. В ней говорилось, что 25 патриарших храмов Москвы и пригородов ко дню рождения Советской

армии (23 февраля 1942 г.) собрали 1159 тыс. рублей, а к 1 Мая – на подарки военнослужащим – 541 тыс. рублей. Под руководством Владыки Николая московские приходы внесли 2 млн руб. на танковую колонну «Дмитрий Донской», свыше 1 млн рублей – на эскадрилью «Александр Невский». Сам митрополит Николай неоднократно выступал с патриотическими воззваниями и обращениями, а 2 ноября 1942 г. был утвержден одним из 10 членов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.

С каждым годом войны сумма церковных взносов заметно росла. В 1943 г. саратовские православные клирики и миряне внесли 131 тыс. рублей на восстановление Сталинграда, а новосибирские – 110 тыс. – на строительство сибирской эскадрильи «За Родину». Особое значение в заключительный период войны имел начатый в октябре 1944 г. сбор средств в фонд помощи детям и семьям бойцов Красной армии. Еще в мае 1944 г. митрополит Алексей (Симанский) и его сестра А. Погожева передали свою дачу на станции Сиверской под детский дом для детей погибших солдат и офицеров. После освобождения части территории СССР ее духовенство и миряне также активно включались в патриотическую работу. Так, в Орле после изгнания фашистских войск было собрано 2 млн рублей. День освобождения Донбасса (10 сентября) священники Ворошиловградской области ознаменовали в 1944 г. сбором 202 тыс. рублей в фонд Красной армии. Монахи Киево-Печерской лавры за 1944 г. внесли на оборону страны более 70 тыс. рублей.

По подсчетам Московской Патриархии, к лету 1945 г. было собрано более 300 млн рублей, не считая драгоценностей, вещей и продуктов. Реально же общая сумма была больше как минимум на несколько десятков миллионов, так как далеко не везде был организован четкий учет взносов.

Трудно назвать все виды патриотической деятельности духовенства. В прифронтовой полосе при храмах существовали убежища для престарелых и детей, а также перевязочные пункты, особенно в период отступления в 1941–1942 гг., когда многие приходы взяли на себя попечение о раненых, оставленных на произвол судьбы. Участвовало духовенство и в рытье окопов, организации противоздушной обороны, мобилизуя людей, утешая потерявших родных и кров. В тылу, в сельских местностях бывали случаи, когда священники после воскресной Литургии призывали верующих вместе с ними выйти на колхозные поля для выполнения срочных хозяйственных работ.

Особенно много священнослужителей трудились в военных госпиталях. Многие из них были устроены в монастырях и находились на полном содержании монашествующих. Так, например, сразу же после освобождения Киева в ноябре 1943 г. Покровский женский монастырь исключительно своими силами организовал госпиталь, который обслуживали в качестве медсестер и санитарок насельницы обители, а затем в нем разместился эвакогоспиталь, в котором сестры продолжали работать до 1946 г. Монастырь получил несколько письменных благодарностей от военной администрации за отличное обслуживание раненых, а настоятельница игуменья Архелая была представлена к награждению орденом за патриотическую деятельность. Настоятельницу Одесского Михайловского женского монастыря игуменью Анатолию (Букач) также наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», так как она с сестрами оказала Советской армии большую помощь медикаментами, продуктами и одеждой.

Всего за патриотическую деятельность почти 40 представителей духовенства были награждены медалями «За оборону Ленинграда» и «За оборону Москвы», более 50 удостоены медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», несколько десятков – медали «Партизану Великой Отечественной войны».

В завершение следует отметить, что патриотическая позиция и деятельность Православной Церкви имели особое значение для православных христиан СССР, миллионы которых участвовали в боевых операциях на фронте и в партизанских отрядах, трудились в тылу. Такая позиция Церкви была особенно важна в свете значительного роста религиозности в стране в годы войны как среди мирного населения, так и среди военнослужащих. Она создавала, по словам митрополита Алексея (впоследствии – патриарха Алексея I), «нравственные условия победы». Как факт признания патриотической деятельности Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны можно расценивать решение советского правительства о предоставлении мест на гостевых трибунах у мавзолея Ленина руководящим деятелям Церкви во время Парада Победы 24 июня 1945 г.

История являет нам примеры того, что именно православная вера формирует и сохраняет в обществе подлинный патриотизм и трезвое, без перегибов, национальное самосознание. Сегодня нельзя это не учитывать, как нельзя не учитывать и то, что Русская Православная Церковь открыта для власти и общества к сотрудничеству на благо нашей любимой Родины.

Также хотелось бы напомнить, что этот год является еще и годом памяти – 1000-летия со

дня кончины св. рвнп. князя Владимира, основателя великого Православного Русского государства, который своим примером заложил в дух русского человека такие христианские добродетели, как самопожертвование, забвение своей собственной выгоды, умением сплотиться в самые тяжелые дни испытания. И как Великий князь был перерожден в купели Крещения, так и в годы Великой Отечественной войны, русский люд переродился в огне тяжелейших испытаний, сплотившись, укрепляемый верою во Христа. Хоть и пришлось Православной Церкви еще не мало пострадать от власти имущих, но веру в людях уже нельзя было искоренить ничем.

1. *Одинцов М. И.* Государство и Церковь в России: XX век. М., 1994. 171 с.
2. Русская Православная Церковь. XX век / А. Л. Беглов, О. Ю. Васильева, А. В. Журавский и др. М., 2008. 792 с.
3. *Солоухин В. А.* При свете дня. М., 1992. 222 с.
4. *Цытин Владислав, протоиерей.* История Русской Церкви. 1917–1997. М., 1997. 256 с.
5. *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг.). М., 1999. 383 с.

А. А. Бородина СУДЬБА «СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ» ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Учитывая всемирно-историческое значение победы над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., Президент РФ издал указ о проведении в 2015 г. юбилейного празднования 70-летней годовщины Победы. Помимо официальных праздников, по всей стране прокатилась волна тематических конференций на столь благодатную для историков тему. Данная статья не стала исключением и также затрагивает тему Второй мировой войны.

Война стала тяжким испытанием для всего населения СССР, но и она не длилась вечно. Боевые действия подошли к концу, солдаты сложили оружие, на смену им пришли воины иного толка. Главы государств, политики, экономисты и прочие орудия бюрократической машины под названием государство развязали боевые действия по всем фронтам, стремясь захватить как можно больше благ для своей страны или сохранить остатки суверенитета и гордости проигравшего. В ход шли разные приемы, от переговоров до откровенной фальсификации истории.

Прошло не так много времени, а установить истину зачастую уже не представляется возможным. Современные правительства пользуются сложившейся ситуацией с целью управления мнением и настроениями жителей своей страны. Ошибочное мнение переходит в убежденность, что порождает недопонимание и конфликты как на бытовом уровне, так и на уровне государств.

В России тема итогов Второй мировой войны рассмотрена достаточно хорошо. Приводятся различные оценки действий дипломатов, рассматриваются последствия принятых на мирных конференциях решений, но каждый российский школьник знает, чего добился СССР по итогам этой войны. Каждый клочок земли учтен и каждый рубль посчитан специалистами, хоть на это ушло немало времени. Однако не все оказались с этим согласны.

В современном мире немало государств, желающих пересмотреть итоги раздела мира после Второй мировой войны. Это желание породило немало споров, в том числе территориальных. Одним из наиболее важных, на наш взгляд, территориальных споров современной России является проблема принадлежности Южных Курильских островов.

Япония претендует на четыре острова Южных Курил (Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи), ссылаясь на двусторонний Трактат о торговле и границах 1855 г. Позиция Москвы состоит в том, что Южные Курилы вошли в состав СССР (правопреемницей которого стала Россия) по итогам Второй мировой войны, и российский суверенитет над ними, имеющий соответствующее международно-правовое оформление, сомнению не подлежит (1). Более того, Российская Федерация не рассматривает ситуацию с Японией в вопросе о границах как некий территориальный спор. По словам министра иностранных дел Сергея Лаврова, Россия исходит «из имеющейся реальности и документов, которые в разные времена заключались между Россией и Японией. Реальность состоит в том, что есть общепризнанные и закрепленные в Уставе ООН итоги Второй мировой войны. От этой реальности надо отталкиваться». «Есть документы между Москвой и Токио, подписанные на

разных этапах, – продолжил Лавров. – Есть договоренность продолжить эту работу, чтобы найти решения, устраивающие обе стороны и приемлемые для народов обеих стран. Вот это критерии. <...> В подобных вопросах в отношениях с нашими соседями, по поводу договоров о границе, подобных вопросов не возникало, – отметил глава МИД РФ. – Речь шла о реальности, в том числе реальности послевоенной. Это помогало эти вопросы решать» (2).

Власти Российской Федерации не раз предлагали японским властям выйти на открытый диалог с целью решить данную проблему. Ведь японское правительство напрямую связывает ее решение с заключением мирного договора между нашими странами. Однако решение данной проблемы так и не было найдено.

Если официальная позиция Российской Федерации не вызывает вопросов, то с позицией Японии все не так ясно.

Четыре северных острова – это Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, расположенные в море на северо-востоке от Хоккайдо. Правительство Японии настаивает на том, что «эти территории являются неотъемлемой частью нашего государства и до этого они никогда не входили в состав другой страны», но изначально на этих землях жил народ айну (айны). Географические названия этой местности в большинстве своем происходят из языка айну.

На карте сёгуната Эдо (1644 г.) обозначены острова под названиями «Кунасири» и «Эторофу». Правящий клан Японии собирал подати в виде меха морской выдры с этих земель и положил начало плаваниям к островам и торговому обмену с народом айну. С другой стороны, в начале XVIII в. в северной части Курильской гряды появились русские.

Императорская Россия продвигалась на юг в освоении островов, в конце XVIII в. сёгунат направлял Дзюдзо Кондо, Токунаи Могами для исследования Итурупа и Кунашира. В 1799 г. четыре острова перешли под непосредственный контроль государства. В южной части был размещен гарнизон из кланов Цугару, таким образом, было определено фактическое владение. При этом вокруг Итурупа и Кунашира не прекращались мелкие стычки, поэтому возникла необходимость в переговорах по определению официальной границы.

Граница была определена Соглашением о дружеских отношениях (Симодский трактат) между Российской империей и Японским сёгунатом в 1855 г., по которому граница проходила между о-ми Итуруп и Уруп. Неопределенная принадлежность Сахалина была урегулирована закреплением территории за Россией по договору об обмене Сахалина на Курильские острова (Санкт-Петербургский договор), подписанному правительством Мейдзи в 1875 г., по которому Япония получала все Курильские острова. По Портсмутскому мирному договору, подписанному после победы Японии в Русско-японской войне, южная часть Сахалина переходила к Японии. Во всех этих трех международных соглашениях наряду с многочисленными изменениями статусов Курил и Сахалина неизменной остается территориальная принадлежность Японии четырех островов.

После этого Вторая мировая война изменила карты обоих государств. Перед окончанием войны Советский Союз объявил об отказе от продления советско-японского мирного соглашения и вторгся на территорию Японии. После подписания Потсдамской декларации СССР появился на Курильских островах 18 августа 1945 г., оккупировав и все острова за период до 5 сентября.

Здесь, в вопросе послевоенных действий, особенно расходятся утверждения Советского Союза, который оправдывает оккупацию, и Японии.

Советский Союз в своей оккупации четырех островов основывался на обещании, сделанном американской стороной в ходе Ялтинской конференции на завершающем этапе войны, о передаче Курильских островов в обмен на участие СССР в войне против Японии. На это Япония возражает, что «секретные соглашения между США и СССР не распространяются на Японию».

Возвращаясь к Потсдамской декларации, в пункте, где признается право Японии только на «острова Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку, а также мелкие острова, которые укажут союзники», Советский Союз принял позицию, что «четыре острова не входят в этот перечень», Япония же отталкивалась от того, что «они входят».

Перед подписанием Сан-Францисского мирного договора, по которому Япония отказывалась от Курильской гряды и Сахалина, Департамент юстиции США подготовил различные варианты, по которым четыре острова «переходили к СССР», «переходили к Японии», «острова Шикотан и Хабомаи переходили к Японии».

Однако в итоге СССР не подписал этот договор, в результате чего он не получил права и привилегии, обозначенные в нем, а принадлежность Курильских островов так и осталась неопределенной.